

Аннотация

Традиционность храмовой архитектуры обеспечивает связь времен и ощущение глубины исторической перспективы, необходимой обществу. Архитектор не вправе проектировать религиозные сооружения по своему усмотрению и в соответствии со своей индивидуальной философией. Сфера инноваций в храмовой архитектуре весьма ограничена и касается в основном декоративного убранства, соответствующего господствующим стилям и модным веяниям.

Объемно-пространственная структура религиозных сооружений не может быть изменена архитектором вне изменений религиозной парадигмы.

Ключевые слова

Храмовая архитектура, религиозная парадигма, традиция, инновации.

Abstract

Traditionalism of temple architecture gives the society a “link of times” and a necessary sense of deep historical perspective. An architect does not have a right to design religious structures using his own discretion or philosophy. The sphere of innovations in temple architecture is rather limited. It mostly refers to decorations complying with the dominant styles or trends.

The volumetric and spatial structure of religious buildings cannot be changed by an architect apart from the religious paradigm.

Keywords

Temple architecture, religious paradigm, tradition, innovations.

Нужны ли новые формы православным храмам?

ТЕКСТ

Елена Багина

Есть область в архитектуре, где инновационное форматворчество резко ограничено. Это культовые сооружения. В формах христианских храмов присутствует память и о Сионской горнице, где произошла, по преданию, первая евхаристия, и о круглых световых отверстиях катакомб, и о первых богослужениях в базиликах римских патрициев. Изменение архитектуры храма всегда следовало за изменением вероучения или за реформами церкви.

Православная церковь недаром во все времена называлась ортодоксальной. Никонианская реформа (1666–1667 гг.), направленная на введение единообразия церковной службы и исправление церковных книг по греческим образцам, имеет противников и сегодня. Затронув незначительные элементы обрядности (двуперстное крестное знамение было заменено на трехперстное, вместо Иисус стали писать Иисус, наряду с восьмиконечным крестом стали признавать восьмиконечный), реформа вызвала резкий протест у части духовенства. Этот иррациональный, на первый взгляд, протест нашел широкую поддержку в различных слоях общества. Произошел раскол, погубивший немало жизней.

Но, благодаря никонианской реформе стали возможны изменения в архитектуре православных храмов. Патриарх Никон в 1653 г. повелел завершать церкви пятиглавием, а не шатром. Раскольники же посчитали, что в пятиглавии проявилась никонианская гордыня: центральная глава – патриарх московский, четыре главки поменьше – четыре восточных патриарха – константинопольский, александрийский, антиохийский и иерусалимский. Традиционная пентархия. Символика пятиглавия сегодня трактуется как Спаситель и четыре евангелиста.

В рамках русского православия не раз менялись религиозно-философские предпочтения. Почитание Софии Премудрости Божией сменил культ Святой Троицы, затем святого Александра Невского. Эти перемены были растянуты во времени. Они, несомненно, сказывались на внешнем облике храмов, но не были революционными. Влияли на церковную архитектуру и господствующие стили, и местные традиции. Если перемены накапливались постепенно, они не вызвали резкого отторжения. Так не сразу сформировалась в православной церкви идея иконостаса, без которого сейчас невозможно себе представить Русскую православную церковь.

В настоящее время в новых католических церквях архитекторы стали проектировать алтарные преграды, которые были одно время сочтены ненужными. Восстанавливаются алтарные преграды и в старых церквях, там, где они были удалены. Возобновление установки алтарных преград – тенденция, которая вписывается в общий контекст литургических преобразований, проводимых нынешним папой римским Бенедиктом XVI. Ее можно оценить как «мягкую» и частичную реставрацию традиций, существовавших в католической церкви до Второго Ватиканского собора (1962–1965 гг.).

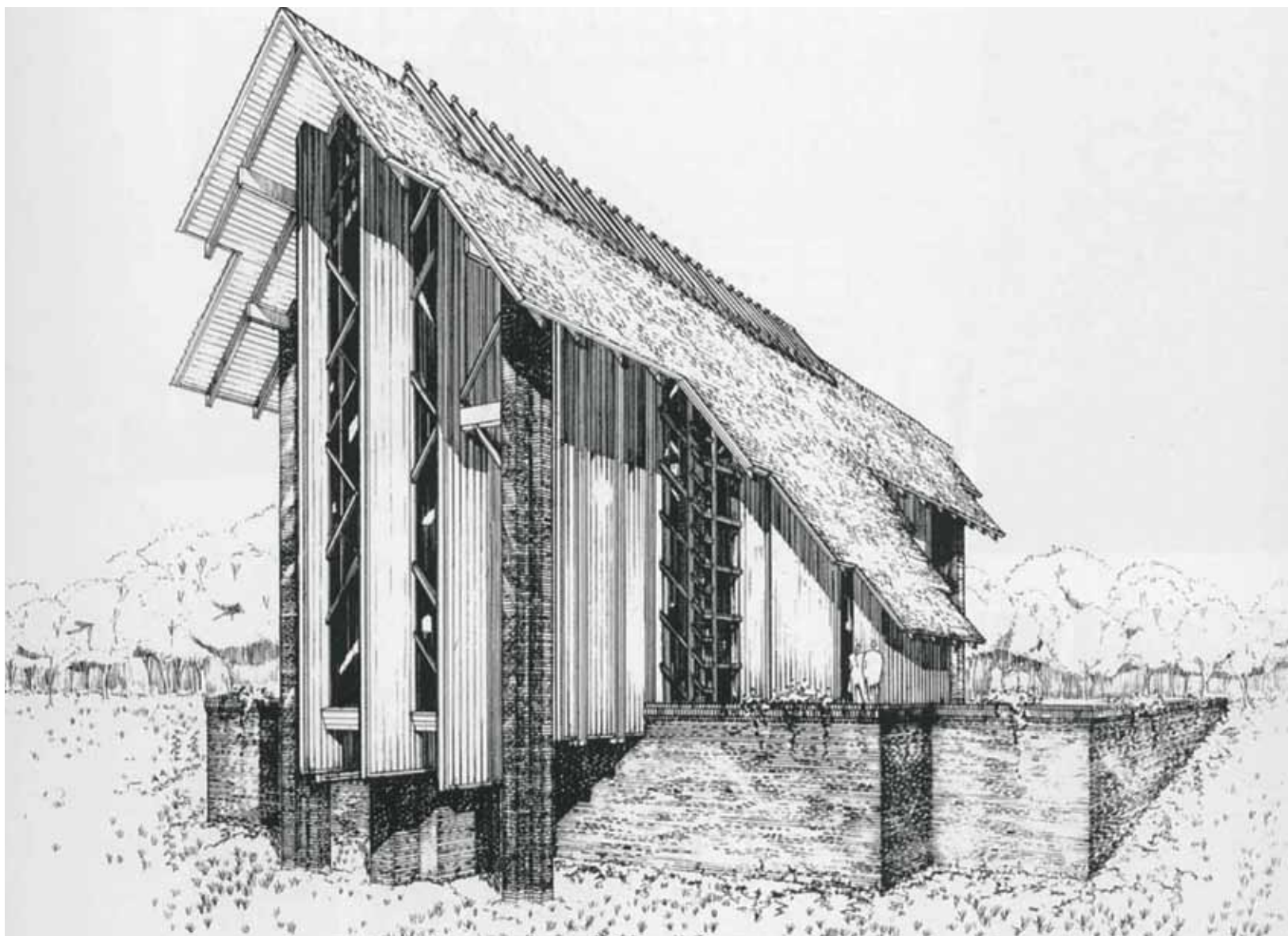
Огромное разнообразие форм церквей обнадеживает и подбадривает современного архитектора, жаждущего новизны. Есть примеры кардинальных инноваций в церковном зодчестве. Можно вспомнить капеллу в Роншане Ле Корбюзье, скальную церковь в Хельсинки и пр. Между тем, первоначально нестандартное здание корбюзинской капеллы вызывало бурные протесты местных жителей – католиков: они отказывались ходить в этот храм молиться, не разрешали даже подавать в новое строение воду и электричество. Многие из них и до сих пор не признают творение Ле Корбюзье храмом. К церкви в скале жители Хельсинки отнеслись с большим пониманием. (Темпелиауки была создана в 1969 году братьями-архитекторами Туомо и Тимо Суомалайнен, которые просто взорвали часть скалы, обработали поверхность и накрыли образовавшуюся воронку куполом). Но Темпелиауки принадлежит к лютеранской церкви, где к архитектурным экспериментам относятся с интересом и готовы их принимать в силу особенностей лютеранского вероучения.

Но жаждет ли новизны православная ортодоксальная церковь, сохранившая традиции и в ритуалах, и в песнопениях, и в облачении священников? Жаждут ли новизны православные прихожане? Сомнительно, поскольку для этого нужны существенные подвижки в трактовке вероучения, которые пока не предвидятся.

Желание архитекторов создавать новые формы понятно. Это предмет профессиональной доблести и гордости. Города и страны соревнуются в том, где будет построено самое удивительное и необычное строение. И становятся похожими друг на друга, посеяв на своей территории семена новейшей стеклянно-бетонной поросли. Есть среди этой поросли и уникальные объекты. Но, как всегда и во все

> Храм на Куликовом поле,
3-й вариант (1908)

v Капелла Св. Леонардо в
Роз-Хилл-Парк в Калифорнии

▲ Капелла Ле Корбюзье в Роншане (1955)

времена, шедевров много не бывает. Очень показательно, что в Дубае продают в качестве сувениров в основном изображения двух сооружений – знаменитых Бурдж-Халифа («Иглы») и Бурдж-аль-Араб («Паруса»). А ведь многие объекты в Дубае претендовали на уникальность. Интересно, что мечети в городе архитектурных чудес строятся вполне традиционные. Конечно, каменная резьба сделанная вручную, заменена в них менее трудоемкими декоративными элементами, и муэдзины уже не поднимаются на минареты, чтобы призывать правоверных на молитву (на минаретах есть динамики), но тем не менее связь времен в мечетях, построенных из новых материалов и по новым строительным технологиям, не прерывается. Традиция есть традиция.

Но вернемся к теме новых православных храмов. Казалось бы, кто мешает сделать стеклянно-бетонное строение и насытить интерьер традиционными предметами культа. Или не так – сделать внутри стены-экраны и проецировать на них изображения икон. К одному празднику – один набор к другому – другой. Сделать иконостас тоже экраном. Сделать купол, на который бы проецировались фотографии с телескопа Хаббл. Да и традиционное облачение священников заменить на современное. Я думаю, модельеры могли бы помочь церкви создать новые наряды для служителей культа. Федерико Феллини в фильме «Рим» уже предвосхитил эту идею в гротескном эпизоде с «парадом церковной моды». Но благословения папы этот эпизод фильма «Рим» вряд ли бы получил.

А ведь каким фантастически современным мог бы быть храм, насыщенный новейшими гаджетами. Сменяющие друг друга голографические картины ада и рая, просмотрные кабины-молельни, где можно увидеть фильмы о житии святых, цветомузыка, проповеди, сопровождаемые зрительным рядом... Игра света... Лифты, возносящие венчающиеся пары на высоту нескольких сот метров. Да что там... Нано-лифт, поднимающийся в изумительных целях в небеса. Технически это все или уже возможно или скоро будет возможным. Японцы хотят потратить около 10 миллиардов долларов на создание нано-лифта уже сегодня.

Кардинально новых проектных предложений сегодня нет. Или они не публикуются, изначально забракованные заказчиком. Это значит, что церковь, с одной стороны, боится

и не хочет никаких новшеств, а с другой стороны, понимает, что того интереса к религии, который был в обществе в 90-х годах XX века уже нет, перемены нужны, особенно молодежи, живущей ныне в виртуальном мире Интернета, и робко предлагает архитекторам поразмыслить над новыми формами.

Какие проекты победят? Куда будет обращен взгляд архитектора? На Сионскую горницу, на катакомбные храмы? Возможно. Но, как правило, до таких глубин не доходит. Сегодня строят и проектируют гротескные вариации крестово-купольных одноглавых и многоглавых храмов. Предлагают упрощенные варианты пятиглавой церкви в русско-византийском стиле, столь милом современному православному сознанию.

Но это уже было

В конце XIX – начале XX века, чувствуя необходимость обновления, православная церковь готова была проводить архитектурные эксперименты. Единственным ориентиром в поисках обновления и очищения стала архаика. А иначе и быть не могло. И.В. Штром, один из авторов Владимирского собора в Киеве (1882 г.) детально изучал византийскую христианскую архитектуру. Виктор Васнецов, чтобы сделать росписи в этом соборе смотрел римские и византийские мозаики.

Источником вдохновения для Алексея Щусева при строительстве Марфо-Мариинской обители и храма на Куликовом поле была псковская и новгородская архитектура XII–XIV вв.

И сегодня архитекторы обращаются к архаике в поисках традиции и ритуалы, проводимые в нем, – воспоминания и символическое воспроизведение событий незапамятных времен, описанных в священных книгах. Обновление памяти об этих событиях, очищение от искажений и ненужных толкований – вот что значит ориентация на архаику. Но ведь все христианские секты, не приемля официальной церкви, именно с этого и начинали – искали истоки в раннем христианстве.

Нет, я ни в коей мере не ратую за то, чтобы взгляд архитектора был обращен только назад, чтобы среди стеклянных небоскребов не появлялись церкви, насыщенные современной техникой. Более того, я думаю, их появление неизбежно, также как и обновление гардероба священнослужителей.

Вместе с тем традиционные церковные здания в современном мире – своеобразный духовный якорь.

△ Гарнизонный православный храм-маяк

△ Католический храм в Вене

▽ Интерьер церкви Темпелиаукио братьев Суомалайнен в Хельсинки (1969)

